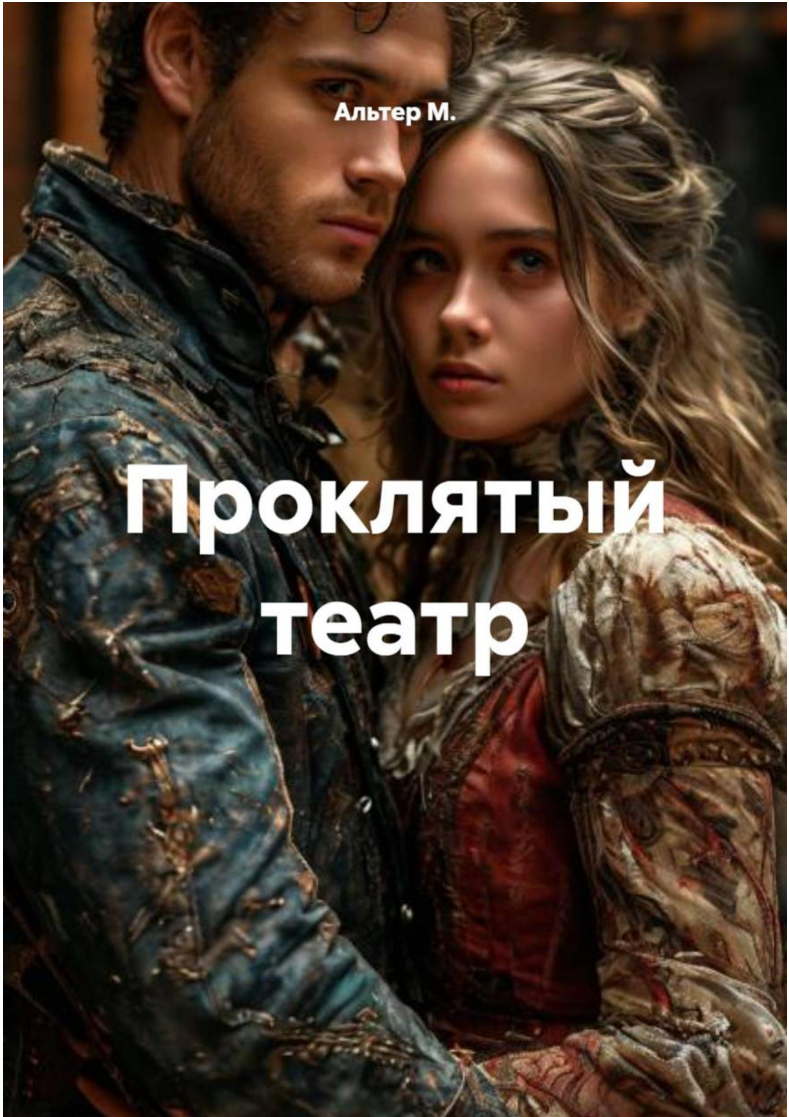

Альтер М.

Проклятый театр

Альтер М.
Проклятый театр

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73025422
SelfPub; 2025

Аннотация

Актёр Артём Волков получает роль в мистическом спектакле режиссёра-безумца, одержимого вызовом древней сущности Забвения. Во время репетиций актёры начинают гибнуть, а реальность искажается. Чтобы выжить и спасти мир, Артём и его партнёрша Алиса должны разгадать тайну пьесы, ставшей ритуалом, и найти древние артефакты, способные противостоять тьме. Цена победы оказывается немыслимо высока – жертва памятью и душой.

Содержание

Глава первая. Приглашение на Тёмную Сцену 4
Глава вторая. Кости и шепот 21
Глава третья. Кровавые чернила 40
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Альтер М.
Проклятый театр

Глава первая. Приглашение на Тёмную Сцену

Ветер, резкий и пронизывающий, словно специально выискивал лазейки в стареньком пальто Артёма, гулял по безлюдным переулкам за станцией метро «Курская». Он нес с собой запахи большого города – раскалённого асфальта, выхлопных газов и далёкой, едва уловимой сладости цветущих каштанов. Этот коктейль ароматов был фоном жизни Артёма, привычным и почти не замечаемым, как собственное дыхание. Он шёл, засунув руки в карманы, опустив голову, и его шаги отбивали чёткий, почти механический ритм. Ритм человека, у которого есть точка А, но начисто отсутствует точка Б.

Театр «Эльдорадо» стал для него точкой А ровно три месяца назад, когда уволили из «Современника». Не то чтобы уволили – «не продлили контракт», «освободили для новых творческих поисков». Красивые слова, за которыми скрывалась простая истина: он, Артём Волков, тридцатидвухлетний, некогда подававший надежды актёр, стал не нужен. Его

типаж – «герой-любовник с налётом трагизма» – вышел из моды, уступив место грубоватым характерным актёрам или пластичным юнцам. Его «слишком правильные» черты, высокий лоб и тёмные, почти чёрные глаза, которые когда-то называли «бездонными», теперь казались режиссёрам старомодными.

«Эльдорадо» был тем местом, куда попадали, чтобы не исчезнуть совсем. Полуподвальное помещение с вывеской, которую давно не обновляли, зал на восемьдесят мест, вечно полупустой, и репертуар, состоящий из низкобюджетных детективов и пошлых комедий. Здесь Артём играл роли, названия которых даже стыдно было произносить вслух: «Любовник главной героини», «Следователь номер два», «Тень в ночи». Он произносил текст, в котором не верил ни единым словом, перед зрителями, которые приходили сюда не за искусством, а за дешёвым развлечением. Это была медленная смерть. Смерть таланта, если он вообще когда-либо у него был. Смерть амбиций. Смерть веры.

Именно поэтому, когда его старый приятель, гримёр Леха, пробормотал сквозь зубы, держа во рту шпильки для парика: «Слышь, Тём, тут одно место подворачивается. Не в нашем дерьме, а в настоящем театре. Правда, говорят, там… странно», – Артём отреагировал с инстинктивной жадностью утопающего.

– Что значит «странно?» – спросил он, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

Леха, маленький, юркий человечек с вечно испуганными глазами, огляделся, будто в уборной «Эльдорадо» могли прятаться шпионы. – Ну, знаешь… Режиссёр тот ещё фрукт. Горчаков. Слышал о таком?

Артём покачал головой. Имена мэтров он знал, но в последние годы следил за театральной жизнью всё меньше, предпочитая топить отчаяние в дешёвом вине.

– Так он и есть, мэтр, – прошипел Леха. – Говорят, гений. Или сумасшедший. Или и то, и другое. Ставил в БДТ, в МХАТе, а потом пропал. Лет десять его не было слышно. А теперь объявился. Набрал труппу для какого-то своего проекта. Очень закрытого. Репетиции в каком-то старом особняке на Остоженке. Денег, говорят, платят немерено. Но народ оттуда… уходит.

– Уходит? Как это?

– По-разному. Кто в психушку, кто просто исчезает. Говорят, один актёр повесился после первой же читки пьесы. Бред, конечно, – Леха нервно рассмеялся, но в его глазах не было ни капли веселья. – Но место свободно. Главная роль. Я тебя рекомендовал. У тебя же внешность… ну, как у того покойника. Горчаков ищет именно такой типаж.

Это было мерзко. И невероятно заманчиво. Главная роль. У мэтра. Деньги. Шанс вырваться из этого болота. Даже если это был обрыв, а не берег, прыгать в неизвестность казалось куда предпочтительнее, чем медленно тонуть в зловонной трясине «Эльдорадо».

Теперь он шёл по Остоженке, и его шаги замедлялись по мере приближения к заветному адресу. Особняк, который Леха описал как «неоготика, похоже на замок», на деле оказался мрачным, обветшавшим зданием, встроенным в ряд таких же аристократических, но давно утративших лоск домов. Он не бросался в глаза, скорее, наоборот – старался стушеваться, спрятаться за высоким кованым забором с острыми пиками и густо разросшимся плющом, который покрывал стены словно траурный креп. Чёрный, отсыревший камень, стрельчатые окна с готическими переплётами, тяжёлая дубовая дверь с массивным молотком в виде головы химеры. От всего этого веяло не просто стариной, а чем-то глубоко чуждым, не московским. Казалось, этот дом провалился сквозь время и пространство из какой-то другой, более тёмной реальности.

Артём глубоко вздохнул, подняв лицо к небу. Солнце уже клонилось к закату, окрашивая марево городского смога в багровые тона. «Или ступить за эту дверь, или вернуться к „Любовнику главной героини“», – мысленно сказал он себе. Выбора, по сути, не было.

Молоток оказался на удивление тяжёлым. Он с глухим, утробным стуком ударил о дубовую плиту, и этот звук, казалось, не распространился в воздухе, а впитался в стены, ушёл вглубь дома. Ответа пришлось ждать так долго, что Артём уже собрался было уходить, ощущая смесь разочарования и странного облегчения. Но тут дверь беззвучно отворилась.

В проёме стояла женщина. Высокая, худая, почти костлявая, в простом чёрном платье до пола. Её лицо было бледным и неподвижным, как маска, а седые волосы убраны в тугой пучок. Но больше всего Артёма поразили её глаза. Светло-серые, почти бесцветные, они смотрели на него с холодным, безразличным любопытством, словно он был не живым человеком, а экспонатом в витрине.

– Артём Волков? – её голос был низким и ровным, без единой эмоциональной вибрации. – Вас ждут. Проходите.

Она отступила в тень, пропуская его внутрь. Артём переступил порог, и тяжёлая дверь бесшумно закрылась за его спиной, отсекая внешний мир с его гулом машин и криками детей.

Его охватила тишина. Не просто отсутствие звуков, а густая, почти осязаемая субстанция, в которой увязали шаги и сбивалось дыхание. Воздух был холодным и влажным, пах старыми книгами, пылью и чем-то ещё – сладковатым, лекарственным ароматом, напоминающим ладан, но с неприятной, тлетворной ноткой.

Он оказался в просторном холле с высоким, кессонным потолком, который терялся в тенях. Стены были обшиты тёмным деревом, на них висели портреты в тяжёлых рамах – люди в камзолах и кринолинах смотрели на него пустыми глазами. В центре стояла массивная люстра из чёрного кованого железа и матового стекла, но она не горела. Единственный источник света исходил от настольной лампы с зелёным

абажуром, стоявшей на резном консольном столике у лестницы, которая широким маршем уходила на второй этаж.

– Репетиции проходят в бальном зале, на втором этаже, – сказала женщина, не представляясь. – Маэстро Горчаков ждёт вас. Поднимайтесь.

Она не двинулась с места, указывая ему путь лишь взглядом своих ледяных глаз. Артём кивнул и направился к лестнице. Деревянные ступени поскрипывали под его ногами, и каждый скрип отдавался эхом в гробовой тишине особняка.

На втором этаже царил полумрак. Длинный коридор, уходящий в обе стороны, был освещён редкими настенными бра в виде факелов, дававших тусклый, колеблющийся свет. Артём остановился, не зная, куда идти. Из конца коридора слева доносился приглушённый звук – не то шёпот, не то шелест. Он двинулся на этот звук.

Дверь в конце коридора была приоткрыта. Лёгким толчком он открыл её и замер.

Бальный зал. Огромное, подковообразное помещение с паркетным полом, зеркалами в позолоченных рамах, покрытых паутиной забвения, и хрустальной люстрой, закутанной в полотно, словно в саван. Но это было не самое странное. В центре зала, на краю импровизированной сцены, отгороженной от зрительских кресел двумя рядами стульев, стоял человек.

Он был невысокого роста, сутулый, одетый в поношенный бархатный пиджак цвета спелой сливы. Его седые, густые во-

лосы были всклокочены, а в длинных, нервных пальцах он сжимал толстую папку. Но когда он повернулся к Артёму, всё остальное перестало иметь значение.

Лицо Василия Горчакова было лицом пророка или безумца. Высокий, изрезанный глубокими морщинами лоб, орлиный нос, тонкий, упрямо сжатый рот. Но главное – глаза. Горящие, пронзительные, почти невыносимые в своей интенсивности. Они были цвета старого золота, янтарные, и в их глубине плясали какие-то тёмные огоньки. Эти глаза не просто смотрели – они сканировали, проникали под кожу, выворачивали душу наизнанку.

– Волков, – произнёс Горчаков. Его голос был низким, бархатным, с лёгкой хрипотцой, и он заполнил собой всё пространство зала, оттеснив тишину. – Вы опаздываете. Время – это ткань, которую мы рвём своими опозданиями. Не делайте этого больше.

Артём не нашёл, что ответить. Он просто стоял, чувствуя себя школьником, пойманным на шалости.

Горчаков медленно подошёл к нему, не сводя горящего взгляда. Он обошёл Артёма кругом, изучая его с ног до головы.

– Да… – протянул он задумчиво. – Да, подходит. Рост. Телосложение. Лицо… особенно глаза. В них есть необходимая пустота. Холод. Вы разочарованы жизнью, Артём Волков? Вам кажется, что мир несправедлив к вам? Что вы заслуживаете большего?

Артём сглотнул. – Я… я просто актёр, который ищет работу.

– Нет! – резко, почти яростно оборвал его Горчаков. – Вы не «просто актёр». Здесь нет «просто» актёров. Здесь есть проводники. Маги. Те, кто способен приоткрыть завесу. Вы думаете, мы будем играть спектакль? Мы будем совершать обряд. Ритуал. Текст, который вы получите, – это не слова. Это ключи. Ключи к дверям, о существовании которых человечество предпочитает не вспоминать.

Он подошёл так близко, что Артём почувствовал его запах – старый парфюм, смешанный с запахом пота и чего-то горького, травяного.

– Пьеса, которую мы будем ставить, называется «Тени забытых предков». Её написал безвестный автор в конце девятнадцатого века. Она никогда не ставилась на сцене. Вернее, ставилась однажды. Результат был… катастрофическим. Но теперь у нас есть шанс всё исправить. Довести до конца. Вы готовы к этому, Волков? Готовы ли вы перестать быть собой и стать проводником для Того, Кто Ждёт за Пределом?

Сердце Артёма бешено колотилось. Всё, что говорил Леха, все слухи и сплетни, оказались правдой. Этот человек был безумен. Но в его безумии была такая гипнотическая сила, такая уверенность, что хотелось верить. Верить в то, что это не бред, а гениальное прозрение.

– Я… я готов работать, – выдохнул Артём.

Горчаков отступил на шаг, и на его лице впервые про-

мелькнуло нечто, отдалённо напоминающее улыбку. Она не сделала его добрее.

– Работать? Вы будете не работать. Вы будете жить этой ролью. Дышать ею. Станете ею. Ваш персонаж – Леонид. Молодой аристократ, который, желая воскресить свою умершую возлюбленную, решает проникнуть в мир мёртвых. Он находит древний гримуар и проводит ритуал. Но он не понимает, что мёртвые не хотят возвращаться. Они хотят, чтобы к ним присоединились живые.

Режиссёр протянул Артёму папку. – Вот ваш экземпляр. Выучите первую сцену к завтрашнему дню. Репетиция в десять утра. Не опаздывайте.

Артём взял папку. Она была тяжёлой, кожаной, с потёртой, почти стёршейся тиснёной надписью на обложке. Листы внутри были пожелтевшими, текст отпечатан на старой пишущей машинке, с многочисленными пометками от руки на полях – острый, нервный почерк, который он сразу признал как почерк Горчакова.

В этот момент в зал вошли другие люди. Их было пятеро. Они вошли тихо, неслышно, словно призраки, вынырнувшие из стен.

– Познакомьтесь с вашими коллегами, – сказал Горчаков, разводя руками, как паук, плетущий паутину. – Наша небольшая, но избранная труппа.

Первой подошла женщина. Лет двадцати восьми, с огненно-рыжими волосами, струящимися по плечам, и блед-

ной, почти фарфоровой кожей. Её глаза, зелёные, как лесная трава после дождя, смотрели на Артёма с открытым, почти дерзким любопытством.

– Алиса Ветринская, – представилась она, протягивая руку. Её рукопожатие было твёрдым, тёплым. – Я играю Веронику. Вашу мёртвую возлюбленную. Надеюсь, вы сможете изобразить страсть по мне.

Она улыбнулась, и в её улыбке была какая-то печаль, не соответствовавшая легкому тону. Артём кивнул, смущённый её красотой и прямотой.

– Виктор Лужский, – представился следующий мужчина. Низкий, коренастый, с лицом боксёра-тяжеловеса и умными, насмешливыми глазами. – Я ваш друг-скептик, Сергей. Тот, кто будет отговаривать вас от безумных идей. В жизни, впрочем, я тоже скептик. Приятно познакомиться.

– Ольга Строганова, – сказала следующая женщина. Пожилая, с гордой осанкой и седыми волосами, уложенными в сложную причёску. Её лицо было маской аристократического спокойствия, но в уголках губ таилась усталость. – Я буду играть вашу тётку, графиню, которая увлекается спиритизмом. Она станет невольной помощницей в вашем тёмном деле.

– Марк Шестов, – пробормотал молодой парень, выглядевший не старше двадцати пяти. Худой, болезненный, с большими испуганными глазами и нервно подёргивающимся веком. – Я… слуга. Эпизод. Но важный.

– И я – Семён, – сказал последний, мужчина лет сорока с невыразительным, но приятным лицом и спокойным, глубоким взглядом. – Я отвечаю за свет и звук. Техническая часть. Но в нашем деле, как говорит маэстро, техника и магия – суть одно.

Артём кивал, запоминая имена и лица. Они были разными, но всех их объединяла одна черта – лёгкая отрешённость, взгляд, устремлённый куда-то внутрь себя. Они уже были погружены в этот странный мир, который создал Горчаков.

– Отлично, – проскрипел Горчаков. – Теперь, когда представления состоялись, приступим к читке. Садитесь.

Он указал на стулья, расставленные полукруглом. Все послушно расселись. Артём пристроился рядом с Алисой, положив папку на колени. Он ощущал её тепло и лёгкий аромат духов – не сладких, а горьковатых, как полынь.

Горчаков устроился в центре, на единственном кресле с высокой спинкой, похожем на трон. Он закрыл глаза, сделал глубокий вдох, и его лицо исказилось гримасой сосредоточенности, почти боли.

– Мы начинаем, – прошептал он. – Не просто читайте слова. Пропускайте их через себя. Чувствуйте их вкус, их тяжесть. Каждое слово этой пьесы – живое. Или, точнее, не совсем мёртвое.

Он кивнул Артёму. – Начинайте. Сцена первая. Кабинет Леонида. Ночь.

Артём открыл папку. Его взгляд упал на текст. Буквы, отпечатанные неровно, с продавленными знаками, казалось, плясали перед глазами. Он сглотнул и начал читать. Его голос, вначале неуверенный, постепенно набирал силу.

«ЛЕОНИД: (один, у камина, в руках у него старинная книга в потёртом кожаном переплёте) …И сказано: да не дерзнёт живой тревожить сон умерших, ибо граница меж мирами столь же тонка, как лепесток, и столь же прочна, как вечность. Но что есть вечность для любви? Что есть запрет для сердца, что вырвано из груди и положено к ногам тени?..»

Текст был странным. Фразы были вычурными, архаичными, но в них была своя, зловещая поэзия. Артём читал, и слова будто оживали на его языке, оставляя горьковатый привкус. Он погружался в образ – отчаявшегося человека, готового на всё ради возвращения любимой.

Когда очередь дошла до Алисы, она начала читать реплики Вероники – призрака, являющегося Леониду. Её голос изменился. Он стал тише, глубже, с лёгкой, леденящей душу вибрацией. Она не просто читала, она словно источала холод.

«ВЕРОНИКА: (голос звучит как эхо) Ты зовёшь меня, Леонид. Но зачем? Моё место не здесь. Там, где я нахожусь, нет ни боли, ни печали. Есть лишь тишина. Глубокая, как океан, тишина. Ты нарушаешь её. Твоё сердце бьётся так громко… оно эхом отдаётся в мире беззвучия…»

Артём смотрел на неё и видел не Алису, а призрака. Её зе-

лёные глаза стали пустыми, бездонными. По его спине пробежал холодок. Это был не просто актёрский этюд. Это было что-то другое.

Читка продолжалась. Виктор Лужский своим грубоватым голосом вносил нотку здравого смысла, Ольга Строганова – таинственности и рокового предзнаменования. Марк Шестов, играющий перепуганного слугу, и вовсе казался настоящим испуганным юнцом, его голос дрожал неподдельно.

Но чем дальше они продвигались, тем более гнетущая атмосфера сгущалась в зале. Воздух становился тяжелее, холоднее. Артёму несколько раз почудилось, что в тёмных углах зала что-то шевелится. Он списывал это на игру света от единственной лампы, которую Семён установил рядом с Горчаковым.

Когда дочитали последнюю реплику первой сцены, воцарилась тишина. Она была ещё более зловещей, чем та, что встретила Артёма в холле.

Горчаков сидел с закрытыми глазами. Его лицо было бледным, на лбу выступили капельки пота.

– Хорошо, – наконец прошептал он, не открывая глаз. – Очень… ощутимо. Вы почувствовали? Присутствие?

Все переглянулись. Никто ничего не сказал.

– Завтра мы начнём мизансценировать, – открыл глаза Горчаков. Его взгляд был мутным, уставшим. – А сейчас – свободны. Артём, останьтесь на минуту.

Актеры молча поднялись и стали расходиться. Алиса на

прощанье бросила на Артёма сочувствующий взгляд. Виктор хлопнул его по плечу. Вскоре в зале остались только они вдвоём с режиссёром.

Горчаков подошёл к нему. – Ну? Что вы чувствовали? Когда читали? Когда слушали её? – он кивнул в сторону уходящей Алисы.

– Я… не знаю, – честно ответил Артём. – Текст необычный. И Алиса… она очень талантлива.

– Талантлива? – Горчаков усмехнулся. – Да, конечно. Но дело не в таланте. Дело в восприимчивости. Она – идеальный проводник. Как и вы. Я это вижу. В вас есть трещина. Пустота. В неё может войти нечто большее, чем просто вдохновение.

Он положил руку на папку в руках Артёма. Его пальцы были холодными, как лёд.

– Будьте осторожны с этим текстом. Не читайте его дома. Не читайте его ночью. И никогда, слышите, никогда не произносите его вслух в одиночестве. Он… привлекает внимание.

– Чьё внимание? – спросил Артём, чувствуя, как по коже бегут мурашки.

Горчаков посмотрел на него своими горящими янтарными глазами, и в них на мгновение мелькнул не то ужас, не то восторг.

– Того, для Кого этот спектакль и ставится. Теперь идите. До завтра.

Артём не стал спрашивать больше. Он развернулся и почти побежал к выходу из зала, по коридору, вниз по лестнице. Холодная женщина уже ждала его у двери, держа её открытой. Он выскочил на улицу, и тяжёлый воздух ночной Москвы показался ему на удивление свежим и живительным.

Он шёл по Остоженке, не разбирая дороги, сжимая в руках кожаную папку. Слова Горчакова звенели в его ушах: «Привлекает внимание». Это был бред. Театральная мистификация, чтобы лучше ввести актёров в состояние. Старый трюк.

Но почему тогда он чувствовал этот леденящий холод у себя за спиной? Почему ему казалось, что из тёмных окон особняка за ним кто-то наблюдает?

Он добрался до своей маленькой квартирки в Черемушках, захлопнул дверь и прислонился к ней спиной, закрыв глаза. Квартира была его крепостью, единственным местом, где он чувствовал себя в безопасности. Он заварил крепкий чай, сел за кухонный стол и открыл папку.

Текст пьесы «Тени забытых предков» лежал перед ним. Помимо основного текста, на полях были многочисленные пометки Горчакова. «Здесь – пауза, но не молчание, а слушание», «Эту фразу произнести шёпотом, глядя в третью кулису слева – там всегда кто-то есть», «На этом слове сердце должно замирать».

Артём перелистнул страницу и увидел, что к пьесе прила-

гались дополнительные материалы – выдержки из каких-то гримуаров, схемы символов, напоминающие пентаграммы, но более сложные и витиеватые. На одной из схем был изображён человек в центре круга, а вокруг – множество протянутых к нему рук из тени.

Он с отвращением отодвинул папку. Это переходило все границы. Это было уже не искусство, а какая-то оккультная ерунда. «Никогда не произносите его вслух в одиночестве». Глупости.

Желая доказать самому себе, что он не поддаётся на эту дешёвую мистику, Артём встал, взял папку и громко, с вызовом, начал читать монолог Леонида, который им предстояло разбирать завтра.

«…И призываю я силы, что пребывают во тьме меж мирами! Силы забвения и вечного сна! Услышьте голос мой! Я, живой, дерзаю ступить на ваш порог! Я приношу в дар свою тоску, свою боль, своё сердце, что бьётся в груди в надежде и страхе! Явитесь! Дайте мне знак!»

Он стоял посреди тёмной гостиной, его голос гулко отдавался в пустой квартире. Он ждал, что почувствует – возможно, лёгкую дрожь, возможно, глупое смущение. Но он не ожидал, что произойдёт следующее.

Лампа на столе мигнула и погасла. Комната погрузилась в кромешную тьму. Одновременно с этим Артём почувствовал резкий, пронзительный холод. Не просто холодный воздух, а леденящее дуновение, исходящее из угла комнаты. И

в этом углу, в густой тени, ему почудилось движение. Что-то тёмное, бесформенное, но огромное, шевельнулось и замерло, уставившись на него парой точек, в которых не было ни капли света.

Сердце Артёма замерло. Он не дышал. Он смотрел в угол, и его охватил первобытный, животный ужас. Он чувствовал присутствие. Чужое, враждебное, невыразимо древнее.

И тогда из угла, из той самой тени, донёсся звук. Тихий, едва различимый, похожий на скрип старого дерева. Но через мгновение Артём с ужасом осознал, что это был не скрип. Это был шёпот. Один-единственный, растянутый, пронизанный ледяным злобой слог:

«Вхо-о-о-д…»

Лампа снова зажглась. Комната была пуста. Холод отступил. Но запах – сладковатый, тлетворный запах тления и ладана – висел в воздухе ещё несколько секунд.

Артём стоял, дрожа всем телом, не в силах пошевелиться. Папка с пьесой выпала у него из рук и с глухим стуком упала на пол.

Он понял, что Горчаков не шутил. Игра уже началась. И ставка в этой игре была не карьерой, не славой и не деньгами. Ставкой была его жизнь. И, возможно, его душа.

Глава вторая. Кости и шепот

Первые лучи утреннего солнца, бледные и жидкие, безуспешно пытались пробиться сквозь слои пыли на окне Артёма. Он сидел на краю кровати, уставившись в пустоту, и медленно, с трудом, возвращался в реальность. Руки его всё ещё дрожали. Во рту стоял вкус меди и страха.

Он не спал всю ночь. После того, как свет зажёгся, а ледяное присутствие исчезло, он провёл несколько часов, застыв у стены, не в силах сдвинуться с места. Потом, уже под утро, он собрал все свои силы, чтобы поднять с пола папку с пьесой. Он сделал это с отвращением, будто брал в руки ядовитую змею. Папка лежала теперь на столе, и её потёртая кожаная обложка казалась ему зловещим глазом, наблюдающим за ним.

«Вхо-о-о-д…»

Этот шёпот звенел в его ушах, навязчивый и неумолимый. Он пытался убедить себя, что это была галлюцинация. Нервное истощение, переутомление, внушение после странного разговора с Горчаковым. Но его всё тело, его инстинкты кричали обратное. Это было реально. Что-то пришло. Что-то ответило на его вызов.

Он посмотрел на часы. Без пятнадцати десять. Репетиция в десять. Мысль о возвращении в тот особняк, о встрече с горящим взглядом Горчакова и бледными, отрешёнными ли-

цами актёров вызывала у него приступ тошноты. Но мысль о том, чтобы остаться здесь, один на один с этой папкой и с памятью о вчерашней ночи, была ещё страшнее. Горчаков знал. Он предупреждал. Значит, у него могли быть ответы. Или, по крайней мере, иллюзия защиты.

Собрав волю в кулак, Артём принял ледяной душ, который немного привёл его в чувство. Он оделся во всё тёмное, словно собираясь на похороны. Последним, что он сделал перед выходом, был нервный взгляд на папку. Он не мог оставить её здесь, но и брать с собой не хотел. В конце концов, он сунул её в свой поношенный рюкзак, чувствуя себя так, будто нёс в себе бомбу.

Дорога до Остоженки пролетела в тумане. Он не замечал ни людей в метро, ни уличного шума. Он был внутри себя, в замкнутом кругу страха и отчаяния. Подойдя к чёрному забору с пиками, он на мгновение замер, глядя на мрачный особняк. Сегодня он казался ещё более враждебным. Плющ на стенах теперь выглядел не как украшение, а как цепи, сковывающие древнее зло. Стрельчатые окна напоминали пустые глазницы черепа.

Дверь с головой химеры была закрыта. Артём сжал молоток, чувствуя холод металла сквозь перчатку. Он ударил один раз, и звук снова ушёл внутрь, не получив отклика в мире живых. Но на этот раз дверь открылась почти сразу. В проёме снова стояла та же худая женщина в чёрном. Её бледное, невыразительное лицо было точной копией вчерашнего.

– Вы опаздываете на три минуты, – произнесла она ровным, безжизненным тоном. – Маэстро не любит, когда нарушают его расписание.

Артём лишь кивнул и шагнул внутрь. Гробовая тишина и запах ладана с тлением снова обволакивали его, но на этот раз в этом был почти что уют. По крайней мере, здесь он был не один.

– Репетиция в бальном зале, – сказала женщина и, развернувшись, поплыла вперёд по коридору, указывая ему путь.

Они поднялись по лестнице. Сегодня в коридоре второго этажа горело больше бра, но их тусклый, мерцающий свет лишь подчёркивал глубину теней. Из-за двери бального зала доносились приглушённые голоса. Женщина отворила дверь и пропустила Артёма внутрь, после чего бесшумно исчезла.

В зале было почти так же мрачно, как и вчера. Семён, техник, возился с осветительными приборами, устанавливая несколько прожекторов, которые выхватывали из полумрака островки будущей сцены. Актеры уже собрались. Алиса, в тёмном спортивном костюме, сидела на стуле, уткнувшись в текст, её рыжие волосы были собраны в беспорядочный пучок. Виктор Лужский что-то тихо говорил Ольге Строгановой, та кивала с невозмутимым видом. Марк Шестов, бледный и нервный, теребил в руках какой-то амулет.

Их взгляды устремились на Артёма. Он почувствовал себя лабораторным животным.

– Ну, вот и наш главный герой, – произнёс Виктор, пре-

рывая разговор. – Как настроение, коллега? Выглядишь ты, прости за прямоту, как будто всю ночь гулял с привидениями.

Артём заставил себя улыбнуться. – Что-то вроде того. Не выспался.

– Здесь многие не высыпаются, – тихо сказала Ольга Строганова, её аристократические черты лица были отмечены печатью усталости. – Этот дом… он не способствует спокойному сну.

В этот момент из глубины зала появился Горчаков. Он был одет в тот же бархатный пиджак, но сегодня на шее у него болталась странная подвеска – тёмный, отполированный камень в серебряной оправе, испещрённый мелкими символами. Его горящие глаза сразу же нашли Артёма.

– Волков, – произнёс он, и его голос прозвучал как удар хлыста. – Вы последовали моему совету? Вы не читали текст в одиночестве?

Все замерли, смотря на Артёма. Он почувствовал, как кровь приливает к его лицу.

– Я… я пробежался глазами, – солгал он, опуская взгляд.

Горчаков подошёл ближе. Его взгляд был тяжёлым, пронизывающим. – Не лгите. Я чувствую на вас его запах. Холод пустоты. Вы призвали, и вам ответили. Что вы видели?

Артём сглотнул. Давить было бесполезно. Этот человек видел его насквозь.

– Холод, – прошептал он. – Тень в углу. И… шёпот.

Горчаков медленно кивнул, и в его глазах вспыхнул странный огонёк – смесь торжества и тревоги. – «Вход», да?

Артём лишь кивнул, не в силах вымолвить слово.

– Что за чёрт? – вмешался Виктор. – Какие шёпоты? Ребята, мы тут спектакль ставим или на сеанс чёрной магии собрались?

– А разве это не одно и то же? – тихо сказала Алиса, не поднимая глаз от текста.

Горчаков повернулся к Виктору. – Мы ставим ключ. Ключ, который отопрёт дверь. И то, что произошло с Артёмом – это знак. Дверь приоткрылась. Она почуяла ключ. Теперь мы должны быть особенно осторожны. И особенно точны. Каждое движение, каждое слово, каждая пауза должны быть выверены. Мы не играем персонажей. Мы становимся точками входа. Вы, Лужский, – точка сомнения, без которой вера не имеет силы. Вы, Строганова, – точка знания, мост между мирами. Вы, Ветринская, – точка притяжения, магнит для того, что по ту сторону. А вы, Волков, – главный проводник. Ваша вера, ваше отчаяние – это сила, которая повернёт ключ.

Он обвёл всех своим пламенеющим взглядом. – Сегодня мы начнём с мизансцен. Первая сцена. Кабинет Леонида. Семён!

Техник щёлкнул выключателем. Несколько прожекторов выхватили из тьмы участок паркета, условно обозначавший кабинет. Были обозначены стул (камин), стол и дверь. Гор-

чаков указал Артёму на центр.

– Выходите. Ваш монолог. Вы только что прочитали ритуал из гримуара. Вы ещё не верите до конца, но отчаяние толкает вас на этот шаг. Вы произносите слова призыва. Помните, вы не колдуете. Вы умоляете. Вы предлагаете сделку.

Артём вышел в центр света. Прожекторы были слепящими, за их границей лежала тьма, в которой угадывались силуэты других актёров. Он почувствовал странное головокружение. Вчерашний ужас был ещё так близок, а теперь он должен был снова произносить эти слова.

Он сделал глубокий вдох и начал. Сначала механически, вспоминая текст. Но постепенно слова стали оживать. Его собственный страх, его отчаяние от безысходности жизни, его жажда чего-то настоящего, пусть даже тёмного и опасного – всё это наполняло строки пьесы подлинной, жуткой жизнью.

«…Я приношу в дар свою тоску, свою боль, своё сердце, что бьётся в груди в надежде и страхе! Явитесь! Дайте мне знак!»

Он произнёс последнюю фразу, вложив в неё всю свою накопленную ярость и страх. И в тот же миг случилось нечто.

Прожекторы над его головой меркли. Не выключились, а именно померкли, словно свету что-то мешало. Воздух в зале стал густым и тяжёлым. Артём почувствовал знакомый леденящий холод, исходящий не из угла, а из самого центра

их импровизированной сцены, прямо перед ним.

И тогда из темноты, за пределами круга света, раздался голос Алисы. Но это был не её голос. Он был низким, гортанным, полым, словно доносящимся из глубокого колодца.

«Я здесь, Леонид.»

Артём ахнул и отшатнулся. Это было не по сценарию. В сцене не было явления Вероники. Её голос должен был звучать лишь в его воображении.

Из тени вышла Алиса. Но её походка была другой – скользящей, неестественной. Её лицо было маской безмятежности, но её зелёные глаза были пусты, как у мёртвой рыбы. Она шла прямо на Артёма, не мигая.

– Стоп! – крикнул Горчаков. Но в его голосе не было гнева. Было лихорадочное возбуждение. – Что это? Что вы делаете, Ветринская?

Алиса остановилась в двух шагах от Артёма. Она повернула голову к Горчакову, и её лицо исказилось гримасой, которая не принадлежала ей. Губы растянулись в улыбке, но в ней не было ни капли радости, только ледяное презрение и древнее зло.

– Она не слышит вас, маэстро, – прошептал Семён, отходя от пульта. – Смотрите.

Алиса медленно подняла руку и указала пальцем не на Артёма, а в точку за его спиной. – Он уже здесь. Он ждал этого. Ждал нового ключа.

И затем её тело содрогнулось. Она издала звук, похожий

на хриплый выдох, и её глаза закатились. Она бы упала, если бы Виктор не подскочил и не подхватил её.

– Алиса! – тряхнул он её. – Девушка, ты в порядке?

Алиса медленно моргнула, и в её глазах вернулось сознание. Она посмотрела вокруг с недоумением. – Что… что случилось? Я… я вышла? Я что-то говорила?

– Вы вышли и сказали несколько очень интересных вещей, – холодно произнёс Горчаков, подходя ближе. Его лицо было бледным, но глаза горели. – Вы были каналом. Чистым, незамутнённым каналом. Вы чувствовали что-то? Слышали?

– Я… я не помню, – растерянно сказала Алиса, потирая виски. – Я готовилась к своей реплике, и вдруг… вдруг стало очень холодно. И в голове послышался шёпот. Потом я будто провалилась куда-то. Очнулась уже здесь.

– Шёпот, – повторил Горчаков с удовлетворением. – Он говорит с нами. Он выбирает инструменты. Ветринская, вы оказались сильнее, чем я предполагал. И вы, Волков, ваш призыв был достаточно мощен, чтобы вызвать отклик. Это прекрасно. Это значит, мы на правильном пути.

– Это значит, что вы доведёте эту девушку до белой горячки! – грубо оборвал его Виктор, всё ещё держа Алису за плечо. – Что это было, Василий Петрович? Гипноз? Внушение?

– Это была реальность, дорогой мой скептик! – воскликнул Горчаков. – Та реальность, которую мы пытаемся по-

стичь! Не упускайте свой шанс. Завтра мы продолжим. А сейчас – перерыв. Отдохните. Осмыслите.

Режиссёр развернулся и быстрыми шагами удалился вглубь зала, скрывшись в тени.

Виктор проводил его взглядом, полным ярости. – Сумасшедший. Полностью и бесповоротно.

– Он не сумасшедший, – тихо сказала Ольга Строганова. Она стояла неподвижно, и её лицо было серьёзным. – Он знает, что делает. Другой вопрос, хотим ли мы быть частью этого.

Артём подошёл к Алисе. – Ты в порядке?

Она посмотрела на него, и в её зелёных глазах он увидел не страх, а странное, заворожённое любопытство. – Я не знаю. Это было… страшно. Но и… волнующе. Как будто я прикоснулась к чему-то огромному. Такого со мной ещё не случалось.

– Со мной случилось прошлой ночью, – признался Артём. – Почти то же самое.

Они посмотрели друг на друга, и между ними возникла странная связь – связь людей, переживших один и тот же кошмар.

– Ладно, клуб оккультистов, – проворчал Виктор. – Я пойду, пожалуй, покурю. А то мне сейчас или закурить, или самому начать вызывать духов. Предпочитаю первый вариант.

Он направился к выходу. Марк Шестов, всё это время молчавший и съёжившийся, робко последовал за ним.

Ольга Строганова вздохнула. – Я пойду в гримёрку. Мне нужно прийти в себя.

Артём и Алиса остались одни в центре зала, в кольце света.

– Пойдём, – сказала Алиса. – Я не хочу оставаться здесь.

Они вышли в коридор. Было решено спуститься вниз, в небольшую комнату, которую актёры облюбовали для отдыха. Это была бывшая курительная комната, обшитая дубом, с камином и потертыми кожаными креслами. Здесь было чуть светлее и уютнее, чем в остальном доме.

Алиса опустилась в кресло у камина (холодного и пустого) и закрыла глаза. – Итак, что же у тебя случилось прошлой ночью?

Артём рассказал. Всё, до мельчайших деталей. Ощущение холода, тень в углу, шёпот. Алиса слушала, не перебивая, её лицо было сосредоточенным.

– Значит, это не случайность, – тихо сказала она, когда он закончил. – Это система. Горчаков что-то запустил. И мы – шестерёнки в его механизме.

– Но что он хочет? – прошептал Артём. – Вызвать духов? Доказать существование загробного мира? Или что-то большее?

– Он сказал: «Довести до конца». Помнишь? Что-то было начато давно и закончилось катастрофой. Он хочет повторить это, но добиться успеха. Я чувствую, что это не просто духов он хочет вызвать. Что-то более конкретное.

В дверь постучали. Вошёл Семён, техник. Он нёс поднос с двумя чашками дымящегося чая.

– Думал, вам не помешает, – сказал он своим спокойным голосом. – После такого нервы надо успокаивать.

– Спасибо, Семён, – Алиса взяла чашку. – Ты давно работаешь с Горчаковым?

– С самого начала этого проекта. Почти год, – он сел в соседнее кресло. – Видел многое. Но то, что сегодня… это что-то новое.

– А что было раньше? – спросил Артём.

Семён помолчал, глядя на пар, поднимающийся от чашки. – Странности. Постоянные. То свет гаснет, то сквозняки ни с того ни с сего, то звуки непонятные. Актёры жаловались на кошмары, на чувство, что за ними наблюдают. Несколько человек ушло. Один парень, ваш предшественник на роли Леонида, в один прекрасный день просто не пришёл. Потом выяснилось, что он попал в психиатрическую клинику. Говорил что-то про «чёрные рты в стенах».

Артём сглотнул. – И ты веришь, что всё это… настоящие духи?

Семён пожал плечами. – Я технарь. Я привык верить в то, что можно пощупать. Но здесь… здесь всё, что нельзя пощупать, щупает тебя самого. Я не знаю, что это. Но я знаю, что это работает. Маэстро платит хорошие деньги, чтобы я здесь был. И мне интересно посмотреть, чем всё это закончится.

– Чем, по-твоему, это может закончиться? – спросила

Алиса.

– Либо мы все сойдём с ума, либо станем свидетелями чего-то, что перевернёт всё человечество, – спокойно ответил Семён. – Третий вариант – это провал, и Горчаков снова исчезнет на десять лет. Но, по-моему, на этот раз он не намерен проигрывать.

Он допил свой чай и поднялся. – Мне надо проверить аппаратуру. Отдохните.

После его ухода в комнате снова воцарилась тишина.

– Что будем делать? – спросил Артём.

– А что мы можем сделать? – Алиса посмотрела на него. – Уйти? Ты готов вернуться в свой «Эльдорадо»? Я – в свои мыльные оперы и рекламу йогуртов? После того, как прикоснулась к этому?

В её глазах горел тот же огонь, что и у Горчакова, но менее безумный, более осознанный. Огонь жажды познания.

– Но это опасно, – попытался возразить Артём. – Ты сама видела. Слышала.

– Да. И поэтому я не могу уйти. Это самый настоящий ужас, Артём. Не бутафорский, не придуманный. А настоящий. Разве ты не чувствуешь? Это то, чего мы ждали всю свою жалкую актёрскую жизнь. Настоящая роль. Настоящая эмоция. Настоящая опасность.

Она была права. Несмотря на страх, несмотря на леденящий душу ужас, в нём самом шевелилось что-то похожее. Это была тьма, но она была живой. А его прежняя жизнь бы-

ла лишь бледной тенью, серой и безжизненной.

– Ладно, – вздохнул он. – Играем дальше. Но будем настороже.

После перерыва репетиция продолжилась. Горчаков был сосредоточен и деловит. Он работал с мизансценами, с интонациями, добиваясь идеального соответствия своему замыслу. Инцидент с Алисой больше не упоминался, но висел в воздухе незримой угрозой.

Репетировали сцену, в которой Леонид делится своими планами с другом Сергеем (Виктором). Виктор играл с присущим ему мастерством, его скепсис был настолько убедительным, что на мгновение Артёму и самому показалось, что всё это – бред. Но потом он ловил на себе взгляд Горчакова, и холодок страха возвращался.

В какой-то момент, когда Виктор произносил свою ключевую реплику: «Одумайся, Леонид! Мёртвые должны оставаться мёртвыми! Ты не знаешь, какую дверь откроешь!», – с верхнего яруса зала, из густой тени, донёсся глухой стук.

Все замолчали и посмотрели наверх.

– Крысы, – буркнул Виктор. – В таком старом доме они должны быть.

– Это не крысы, – безразличным тоном сказал Горчаков, не отрываясь от своего блокнота. – Продолжайте.

Стук повторился. Теперь он был более отчётливым. Похожим на шаги. Тяжёлые, медленные шаги по деревянному полу где-то над их головами.

Артём почувствовал, как у него застывает кровь в жилах. Он посмотрел на Алису. Та стояла бледная, прислушиваясь.

– Может, это Семён? – предположила Ольга Строганова, но в её голосе не было уверенности.

– Семён внизу, настраивает звук, – сказал Горчаков. – Это дом. Он старый. У него есть свои голоса. Используйте это. Вложите этот звук в вашу сцену, Лужский. Пусть ваш страх станет настоящим.

Шаги над головой затихли, словно прислушиваясь. Потом раздался новый звук – тихий, едва различимый плач. Женский плач.

Марк Шестов, стоявший в стороне, издал сдавленный звук и схватился за сердце. – Я больше не могу… – прошептал он и, пошатываясь, побежал к выходу из зала.

Горчаков даже не повернул головы. – Слабоват. Но не беда. Его роль невелика. Продолжаем.

Репетиция длилась ещё два часа. Шаги и плач больше не повторялись, но напряжение не ослабевало ни на минуту. К концу все были морально и физически истощены. Горчаков, казалось, был доволен.

– На сегодня достаточно. Завтра – вторая картина. Не опаздывайте.

Актёры молча стали собирать свои вещи. Никто не хотел оставаться здесь ни на секунду дольше необходимого.

Артём и Алиса вышли вместе. У выхода их ждал Виктор.

– Ну что, коллеги, не желаете пропустить по стаканчику

чего-нибудь покрепче чая? – спросил он. – Я чувствую, что сегодня мне потребуется серьёзная доза алкоголя, чтобы забыть этот день.

Артём хотел отказаться, но Алиса тронула его за локоть. – Давай сходим. Нам нужно обсудить… происходящее.

Они нашли небольшой паб неподалёку от Арбата. Полутемное помещение с дубовыми столами и приглушённой музыкой. Заказав виски, они устроились в углу.

– Итак, – Виктор отпил большой глоток и поставил бокал на стол. – Давайте начистоту. Что, чёрт возьми, сегодня произошло с Алисой?

Алиса вздохнула. – Я не знаю, Виктор. Честно. Я как будто потеряла контроль над собой. Как будто кто-то другой говорил моим голосом.

– А эти звуки? Шаги? Плач?

– Я слышала, – кивнул Артём. – И я слышал нечто похожее прошлой ночью. Только шёпот.

Виктор покачал головой. – Я в жизни не видел такого массового психоза. Горчаков – гипнотизёр. Он внушает нам всё это.

– Нет, – возразила Алиса. – Это не гипноз. Я чувствовала холод. И этот голос… он был чужим. Он был внутри меня. Я бы почувствовала, если бы это было внушение.

– Ладно, допустим, – Виктор не сдавался. – Но зачем нам продолжать в этом участвовать? Деньги? Слава? Я, конечно, не бедствую, но и не настолько богат, чтобы продавать душу

дьяволу.

– А что, если это не дьявол? – задумчиво сказала Алиса. – Что, если это просто другая форма жизни? Энергия? Информация? Мы, актёры, всю жизнь пытаемся изображать эмоции, входить в роль. А здесь роль входит в тебя. Это ужасно, но и… прекрасно.

Виктор посмотрел на неё с недоумением. – Дорогая, ты в порядке? Ты говоришь как сам Горчаков.

– Она права, – неожиданно для себя сказал Артём. – Я боюсь. Мне страшно до тошноты. Но когда я сегодня произносил тот монолог, когда я чувствовал этот холод… я был жив. По-настоящему. Впервые за много лет.

Виктор откинулся на спинку стула. – Значит, вы оба попали под его чары. Великолепно. Значит, я остаюсь в этой сумасшедшей команде единственным трезвомыслящим человеком.

– Ольга, кажется, тоже не в восторге, – заметил Артём.

– Ольга? – Виктор фыркнул. – Ольга Строганова играет роль аристократки не только на сцене. Она ни за что не покажет свой страх. А Марк уже сломался. Остаёмся только мы трое. Двое одержимых и один скептик.

– Мы должны держаться вместе, – сказала Алиса. – Делиться тем, что видим и слышим. Если что-то пойдёт не так… по-настоящему не так… мы должны быть готовы уйти.

– Договорились, – кивнул Артём.

Они проговорили ещё около часа, но к единому мнению

так и не пришли. Виктор оставался при своём – массовый гипноз и помешательство режиссёра. Алиса и Артём склонялись к тому, что явления были реальными, но не могли понять их природу и цель.

Расставшись с ними, Артём поехал домой. На этот раз он не чувствовал страха, скорее, оцепенение. Его жизнь разделилась на «до» и «после». До особняка на Остоженке и после.

Войдя в свою квартиру, он первым делом бросил взгляд на угол, где вчера появлялась тень. Угол был пуст. Он вздохнул с облегчением и пошёл на кухню, чтобы поесть.

Вечер он провёл, бесцельно блуждая по интернету, пытаясь найти информацию о Василии Горчакове. Информации было мало. Старые статьи о его постановках десятилетней давности, восторженные рецензии, потом – ничего. Полное забвение. Никаких упоминаний о нервных срывах, о проблемах с законом. Человек-призрак.

Он также попытался поискать что-то о пьесе «Тени забытых предков». Результатов не было вообще. Ни названия, ни автора. Пьесы, казалось, не существовало.

Разочарованный, он лёг спать. На этот раз сон навалился на него сразу, тяжёлый и безотрадный.

Ему снились сны. Странные, обрывочные. Он шёл по длинному, тёмному коридору с зеркалами. В зеркалах отражалось не его лицо, а чьё-то другое – бледное, искажённое гримасой ужаса. Из-за его спины доносилось тяжёлое ды-

хание. Он оборачивался, но там никого не было. Потом он услышал шёпот. Тот самый, из вчерашней ночи: «Вхо-о-о-д…»

Он побежал. Коридор становился всё уже, зеркала приближались, и в них теперь отражались не лица, а какие-то тёмные, шевелящиеся силуэты. Дыхание за спиной становилось всё громче. Он понял, что его догоняют.

В конце коридора он увидел дверь. Обычную, деревянную. Он рванул её на себя и вбежал внутрь.

Он оказался на сцене. В полном зале. Но зрители были не люди. Это были тени. Бесформенные, тёмные массы, у которых на месте лиц были лишь бледные, расплывчатые пятна. Они сидели в полной тишине, уставившись на него.

На авансцене стояла Алиса в белом подвенечном платье. Но её лицо было лицом старухи, сморщенной и беззубой. Она улыбалась ему и манила пальцем.

А за её спиной, в глубине сцены, стояло нечто. Огромное, тёмное, состоящее из сгустков тьмы и множества бледных, протянутых рук. У него не было лица, только огромная, чёрная пустота, которая всасывала в себя свет и надежду.

Существо медленно подняло одну из своих рук-теней и указало на Артёма.

И тогда весь зал теней встал и хором, тысячами безголосых шёпотов, прошипел: «ВХОД!»

Артём проснулся с криком. Он сидел на кровати, весь в холодному поту, его сердце колотилось, словно хотело вы-

прыгнуть из груди. Было ещё темно. Он посмотрел на часы. Четыре утра.

Он включил свет и сидел так до самого утра, боясь снова закрыть глаза. Он понимал, что это было не просто сновидение. Это было послание. Или предупреждение.

Они не просто ставили спектакль. Они готовили сцену для чего-то. И это что-то уже начинало просыпаться. И оно знало его имя.

Глава третья. Кровавые чернила

Рассвет застал Артёма сидящим в кресле у окна, с пустой кружкой в окоченевших пальцах. Он не сомкнул глаз, боясь возвращения кошмара. Тот сон был не просто игрой подсознания. Он был слишком ясным, слишком структурированным. Зал теней, Алиса-старуха, и эта сущность из тьмы… Это было предупреждение. Или инструкция.

Он чувствовал себя загнанным зверем. Уйти из проекта значило вернуться в прежнюю жизнь, в серую пустоту «Эльдорадо», но теперь уже с знанием, что настоящая, пусть и ужасающая, реальность существует, а он от неё бежит. Остаться – значило стать пешкой в игре Горчакова, цель которой была туманна и, судя по всему, чудовищна.

В половине девятого он заставил себя встать, принять душ и одеться. Действуя на автомате, он сварил кофе. Горячий, крепкий напиток немного вернул его к жизни. Он посмотрел на рюкзак, где лежала папка с пьесой. Сегодня он боялся к ней прикасаться больше, чем вчера.

Выйдя на улицу, он увидел, что день выдался пасмурным и ветреным. Небо затянуло свинцовыми тучами, и в воздухе висела влажная прохлада, предвещавшая дождь. Погода идеально соответствовала его внутреннему состоянию.

По дороге к особняку он получил сообщение от Алисы. «Ты в порядке? После вчерашнего…»

Он ответил: «В порядке. Ты?»

«Жива. Но напугана. Сегодня поговорим. Будь осторожен.»

Эти слова лишь усилили его тревогу. Если такая смелая и азартная девушка, как Алиса, призналась в страхе, значит, происходящее было действительно серьёзно.

Особняк на Остоженке в пасмурный день выглядел ещё более зловеще. Чёрные стены, мокрые от надвигающегося дождя, казались покрытыми скользкой плесенью. Плющ шевелился на ветру, словно живые щупальца. Артём с силой ударил молотком-химерой по двери, чувствуя, как его сердце сжимается от предчувствия.

Дверь открыла та же женщина-призрак. Её бледное лицо было столь же непроницаемым.

– Маэстро ждёт вас в библиотеке, – произнесла она без предисловий. – Все в сборе.

Библиотека? Артём впервые услышал о таком помещении. Он последовал за женщиной по незнакомому коридору, ведущему в восточное крыло особняка. Воздух здесь был ещё спёртее и насыщеннее запахом старых книг и ладана. Они остановились перед высокой дубовой дверью с резными изображениями сов и змей. Женщина отворила её и пропустила Артёма внутрь.

Библиотека оказалась огромным двухуровневым залом с галереей, опоясывающей помещение по периметру. Полки от пола до потолка были забиты книгами в потёртых кожаных, деревянных и даже металлических переплётах. В центре стоял массивный дубовый стол, заваленный фолиантами, свитками и рукописями. В камине, расположенном в дальнем конце зала, пылал огонь, но, странное дело, он не давал ни тепла, ни уюта. Пламя было каким-то тёмным, багровым, и от него тянуло не древесным дымком, а той же тлетворной сладостью, что витала во всём доме.

Вокруг стола собралась вся труппа. Горчаков стоял во главе, опираясь руками о стол. Его лицо в свете странного огня казалось вырезанным из старого жёлтого воска. Алиса, Виктор, Ольга и Семён стояли по другую сторону. Марка Шестова не было.

– А вот и наш главный проводник, – произнёс Горчаков, не глядя на Артёма. Его взгляд был прикован к огромному, потрёпанному фолианту, лежавшему перед ним. – Мы начинаем погружение в историю. Чтобы понять, кого мы призываем, нужно знать, с чем мы имеем дело.

Артём встал рядом с Алисой. Она молча тронула его руку, и он почувствовал, как дрожат её пальцы.

– Где Марк? – тихо спросил Артём.

– Его нет, – так же тихо ответила Ольга Строганова. Её лицо было маской, но в глазах читалась тревога. – Он не пришёл. Не отвечает на звонки.

– Слабые духом всегда отсеиваются первыми, – безразлично заметил Горчаков, поднимая голову. Его янтарные глаза метали искры в отсветах багрового пламени. – Не будем тратить время на тех, кто не способен выдержать тяжести истины. Сегодня мы обратимся к источнику. К первоисточнику нашей пьесы.

Он похлопал рукой по обложке фолианта. Она была из тёмной, почти чёрной кожи, с тиснёным знаком, похожим на трёхглазое солнце, от которого расходились лучи-щупальца.

– Этот труд, – продолжил Горчаков, – называется «Книга Снов Семи Морей». Он был составлен в XVII веке неким алхимиком и оккультистом, известным лишь под именем Лудовико Фальконе. Именно он является подлинным автором пьесы «Тени забытых предков». Вернее, пьеса – это лишь малая часть, извлечённая из его записей. Кодекс, если угодно. Ключ, составленный из слов.

– И что же в этой книге? – спросил Виктор, его голос звучал устало и раздражённо. – Инструкция по вызову духов?

– Не духов, – поправил Горчаков. – Духи – это шепотки в темноте. Эта книга рассказывает о Сущностях. О древних силах, что существовали до рождения наших миров. Они спят в безднах между реальностями, в глубинах космоса, куда не может проникнуть свет звёзд. И они видят сны. А их сны… они просачиваются в нашу реальность. Искажают её. Становятся её частью.

Он открыл книгу. Страницы были из плотного, пожелтев-

шего пергамента, испещрённого выцветшими чернилами и странными схемами, напоминавшими астрономические карты, но с неверными, бредовыми созвездиями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.